

18+

Марина Зейтц

ВЫХОД

*Повести
и рассказы*

Марина Зейтц

Выход. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Зейтц М.

Выход. Повести и рассказы / М. Зейтц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554788-0

Название книги «Выход» не случайно. У каждого из нас случается ситуация, которая заставляет сделать выбор — между черным и белым, между светом и тенью, между добром и злом. Герои этих повестей и рассказов тоже делают выбор — ищут выход. А ситуации у них совсем непростые: на грани реального и потустороннего, земного и межпланетного, или просто — жизненного. Что они выберут, узнать тебе, читатель! Главное — поверить во что-то очень важное — и выход найдется!

ISBN 978-5-00-554788-0

© Зейтц М.
© Издательские решения

Содержание

Августовское полнолуние	6
Часть первая. Близнецы	6
Глава вторая. Элла	16
Глава третья. Лиза	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Выход Повести и рассказы

Марина Зейтц

© Марина Зейтц, 2023

ISBN 978-5-0055-4788-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Августовское полнолуние

Часть первая. Близнецы

Последнее в двадцатом тысячелетии лето приближалось к концу... Весь год газеты пухли от предсказаний, а телевидение, пока что с успехом заменявшее компьютеры, лепило мистические сюжеты как ребенок в песочнице – куличики. Маленькие кнопочные телефоны были фантастикой. Люди верили в чудеса.

Стоял самый роскошный и загадочный месяц года – август. Наступило полнолуние, его первый день – а их, как известно, три.

Под гипнотическим оком луны в пригородном редколесье одиноко высился трехэтажный особняк в готическом стиле. Что это за постройка, точно никто не знал, а слухи ходили разнообразные: от замка местного графа Дракулы до партийной дачи секретного назначения.

Минуя железнодорожную станцию, к особняку вела разбитая дорога, упирающаяся в железные ворота. У крыльца дома в каменных вазонах упоительно пахла петуния. Зеленая шуба девичьего винограда укрывала строение вплоть до одинокого окна мансарды, распахнутого настезь.

В комнате было темно, но луна уже кралась по краю крыши, готовясь заглянуть в окно.

Настырные виноградные лозы присутствовали и здесь, в комнате – увивали в виде позеленевшего бронзового орнамента поверхность старинного зеркала. Выпуклые виноградины, выточенные из бледно-зеленого оникса, казались живыми.

В зеркальной глубине отражалось пугающе странное лицо девушки в черном балахоне.

– Ну что же! Будем надеяться, что все получится... Правда, сестричка?

Густо обведенный черным карандашом глаз на простынно-белом лице ободрающе подмигнул: «Отступить некуда!»

Лиза вздохнула и плотно сдвинула черные губы – их пришлось красить фломастером, так как соответствующей помады не нашлось. И где только Лара брала всю эту дрянь?

Лиза была примерной девочкой и никогда не пользовалась косметикой. Вздохнув, она еще раз перечитала сообщение, недавно полученное от сестры Лары.

«Лиза! Мои подозрения верны. Максик что-то задумал. Сегодня он привел меня к своей тете. Притворяется добренькой, сама злая. Спрашивала про наше зеркало. Как оно открывается? Я и ляпнула – а в полнолуние через окно. Я пошутила – как оно может открываться? Зачем ей наше зеркало??? Они с Максом вышли, а я тебе пишу. Если я не вернусь, сделай так...»

– Если я не вернусь... – повторила Лиза черными губами.

В ответ на эти слова где-то далеко замыкала загулявшая кошка.

Ее вопли потонули в шуме приближающейся электрички, отходящей от станции.

В следующем сообщении шли указания – когда и что делать.

Накраситься как Лара – точь-в-точь. В первую ночь полнолуния сесть перед зеркалом, ожидая, пока луна доползет до окна. После этого повернуться спиной к поблескивающей зеркальной поверхности, оказавшись таким образом между реальным и отраженным ночным светилем. Внимательно смотреть в окно и ждать... А чего ждать-то? На этом сообщении обрывалось, видно сестре кто-то помешал закончить.

«Давай, луна, ползи! Зеркало близко...»

Внезапно она услышала тихий шелест. На зеркале словно бы оживали бронзовые листья... Как же они громко шелестят! Нет, это за окном... Шаги???

Огромная бледно-желтая луна первого дня встала за ее спиной, в окне. Лиза резко развернулась: шаги стали слышны гораздо отчетливее.

– Эй! Там кто-то есть? Лара! Я сделала все, как ты велела!!! Кто это?!

...

Лизина сестра-близнец Лара пропала несколько дней назад, и куда она подевалась, никто до сих пор так и не узнал. Родители, Родион Юрьевич и его жена Рина обратились в местное отделение.

На лице правоохранительного работника явственно читалась тоска по несостоявшимся выходным. А тут еще нервные папаша и мамаша ищут совершеннолетнюю дочурку!

– Погуляет – придет, – грустно уверил их работник. – Знаете, сколько вас, таких, каждый день приходит? Еще трех дней не прошло, кстати. А я должен что, подступиться принципами?

– Она никогда! – в отчаянии воскликнула Рина, не замечая странного речевого оборота – «подступиться принципами»...

– Никогда не пропадала, – добавил Родион, кашлянув.

– Не гуляла! – поддакнула мать.

– Фото! – сурово дыхнул на родителей служитель органов. По телевизору начинался финал футбольной лиги. Дома в холодильнике томилось пиво.

– Вот! – Родион торопливо сунул под нос тоскующего работника нечеткую карточку с изображением бледнолицей встрепанной девицы с черными губами.

Тот посмотрел на родителей так, что в его глазах можно было без труда прочесть множество интересных выражений, потом покрутил у виска натруженным писанием бесконечных протоколов пальцем.

– Погуляет – придет, – не очень уверенно вымолвил правоохранительный труженик.

– Впрочем, не будем полагаться на авось... – сурово сдвинув брови, возразил он сам себе.

И неожиданно добавил:

– На авось и надясь.

Родион хотел его поправить: «не надясь, а небось», но только рукой махнул...

В итоге заявление дежурный все же взял, правда фото сомнительной девицы прищипан-дорил к верхнему углу служебной бумажки и все это надежно спрятал в стол.

Родион Юрьевич и Рина, верящие в могущество местного сыска, стали ждать результатов. Лиза в тот же день получила от сестры два сообщения, пересланных с помощью маленького кнопочного телефончика. Эти удивительные для тех времен гаджеты появились у сестер недавно.

Увлечение Лары замогильной мистикой, так называемыми «готами», страшно раздражало Лизу, но сделать она ничего не могла. Девочки постоянно спорили по вечерам у себя в спальне на третьем этаже...

– Лара! Ну пойми, это же просто тупая молодежная субкультура! Этой фигней маются те, кому делать нечего. Нет никаких вампиров и оборотней, а есть телесериалы для духовно недоразвитых.

– Ой, а ты у нас такая развитая! Скучная ты. Слишком правильная. И не любознательная.

– Просто я увлекаюсь нормальными вещами.

– А ты глянь, что я нашла! Наши предки тоже увлекались. И, кстати, тогда это тоже считалось для этих... недоразвитых. Пошли, покажу!

Они на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, спустились в холл. Лара подошла к секретеру, стоявшему недалеко от выхода.

– Ты там рылась? – удивилась Лиза, – родители выбрасывать его хотят, хлам один.

– Вооот! А я что говорю. Не любопытная. Тут ящик заело.

Лара вцепилась в край покосившегося ящика черными лакированными ногтями.

– Вот черт! Помоги.

Лиза подошла к сестре, покачала головой и дернула ящик, расположенный выше. Тот вылетел из своего гнезда и упал, рассыпав по полу квитанции, несколько мотков ниток и коробочку разномастных пуговиц.

Ящик, что был ниже, содержал множество черно-белых фотографий. Непривычно молодо выглядели Рина и Родион на этих снимках в спортивных костюмах среди каких-то полей. Мама почти такая же, как и сейчас – худая блондинка, немного сутулая. Глаза как у лисы – подняты к вискам, как будто их тугие косички, убранные под косынку, тянут... Папа сидит на корточках, патлатая челка закрывает ему обзор, щеки пухлые, похож на отъевшегося хомяка. Рядом – куча собранной картошки, сзади – ящики. Следующее фото в учебной аудитории: плакатного вида папа в рубашке с галстуком и комсомольским значком на лацкане пиджака. Крепенький толстячок. А вот они с мамой за столом, что-то пишут в тетрадях. Так это, наверно, в школе еще!

– Ну, и? – удивилась Лиза. – Нормальные люди.

– Да нет! Ты сюда, сюда смотри! – Лара аж подпрыгнула от нетерпения.

Лиза глянула на фотографию:

Улыбающаяся мама смотрит ярко подведенными глазами на сильно похудевшего папу... Причем, она в каком-то холщовом балахоне, с распущенными по плечам волосами, а папа – в майке с Микки-Маусом. Изрядно отросшие темные волосы родителя прямоком достают до маусового носа.

Рядом так же вызывающе улыбаются: длинноносый лохматый парень с гитарой и босая девушка в рваных джинсах. Сзади – силуэты двух палаток и нечеткий пейзаж.

– Они тут настоящие хиппи! Понимаешь??? А это было запрещено, типа вредная буржуазная культура. А ты про меня... – завопила Лара, видя что сестра с недоумением смотрит на фото.

– Знаешь, они как-то говорили, что на Алтай после школы ездили. Вспомни! – Лиза явно заинтересовалась этим фото.

– А, давай спросим...

К сожалению, родителям эти вопросы совсем не понравились. Папа нахмурился, мама стала ругать за то, что «лазили по ящикам».

– А почему нельзя? Секретер разобрать надо, прежде чем выбрасывать! Мы только посмотрели, – пожали плечами сестры.

За ужином девочки обиженно молчали. Тогда родители, переглянувшись, нехотя подтвердили что, после окончания школы, они действительно отправились на Алтай.

– А почему не поступили учиться? – удивилась Лара, накладывая в тарелку салат, пюре, котлету и обильно поливая все это майонезом. Она любила поесть.

– В институт завалили. Папа подал документы в профтехучилище, а я... решила подумать.

– Вы просто захотели пожить свободной жизнью? – шепнула Лиза, довольствовавшаяся ложкой салата – она следила за фигурой.

– Тогда это было популярно, – улыбнулась ей мама, – все искали в горах аномальные зоны, и это... стоянку снежного человека. Добирались «автостопом», что было несложно. Девушка и парень с гитарой – друзья по путешествию.

– Иесс! – закричала Лара,. – Я же говорю, что вы хипповали!

– Ну, что-то вроде того, – ответила мама, – но совсем недолго, мы быстро вернулись назад. Вскоре поженились. Потом вы родились, не до приключений было... Да и какие из нас хиппи?

– Так... баловство одно! – нехотя подтвердил папа, странно взглянув на маму.

– Ну как? – замерев от восторга, перебила его Лара, – Нашли?

– Что нашли? – недоумевая, спросил тот.

– Снежного человека же, – обиженно протянула она, – вы же его искали!

– Нет никакого снежного человека, – почему-то рассерженно заявила мама, убирая со стола, – нет, не было и не будет!

Она громко складывала тарелки стопкой, прижимая сверху рукой, чтоб не рассыпались. Родион, утратив интерес к беседе, ушел разбирать свои инструменты.. Родители занимались ремонтом квартир, работали в небольшой строительной компании.

– А аномальные зоны? – поинтересовалась дочь, дожевывая рыбную котлету. Несмотря на то, что сестры придерживались диаметрально противоположных диет, выглядели они абсолютно одинаково, если не считать Лариной траурной окраски.

– Тоже нет! – и Рина удалилась на кухню, победно тряхнув светлыми волосами, стянутыми на затылке в «хвост».

– Жаль... – протянули обе сестры одновременно.

– Наверняка травку курили! – шептала Лара в темноте спальни, округляя не до конца отмытые глаза. – Они же коммуной тусили, да???

– Какая коммуна, их всего четверо было!

– А, может, еще кто присоединился?

– Вряд ли.

– Ну, все равно, рок-н-ролл, хиппи форевер, и все такое! – Лара мечтательно зевнула.

– Так не расскажут ничего, видела, как мама хмурилась?

– Лиза! А вдруг тогда что-то произошло? Что-то плохое.

– Им просто все это не понравилось! И правильно. А ты вот не можешь со своими готами распрощаться. Ногти черные, губы черные, на шее крест. На кого похожа!

– А говорят, «хиппи – это готы, которых мама на кладбище не пустила». Так что наследственность прослеживается, – гордо заявила Лара.

Лиза только вздохнула. Перед «черным» у сестренки был «черно-розовый» период! И она называлась «эмо» – несчастный ранимый ребенок. Поэтому спорить с ней было бесполезно.

Лара обиженно засопела в подушку и вскоре обе сестры уснули.

Темная августовская ночь была полна шорохов и запахов. Тонкий флер спрятанной под навес петунии, усеянной розовыми и бордовыми соцветиями, погружал ночной мир в сонное забытие. Дом не дремал – он высился среди бравых сосенок и суровых елей как полководец в окружении испытанного воинства.

Фотография этого старого особняка случайно попала на глаза

Родиону, когда он размещал в газете рекламу.

– Посмотри-ка! Какое чудо! И цена приемлемая.

Рина рассматривала снимок с волнующим чувством внезапного соединения нового и чего-то старого, давно и надежно забытого...

Высокий каменный фундамент, увитые диким виноградом стены, широкая лестница и запущенный сад, почти лес. Полное уединение – ни тебе пыльной улицы под окном, ни тебе заставленного машинами двора. А, в то же время, станция недалеко и выезд на шоссе удобный.

Нет, но где же она видела этот особняк? И откуда, так внезапно, возник вкус винограда на губах...

– Родь, а что так недорого продают?

Родион Юрьевич торопливо набрал указанный номер. Ему ответила женщина. Переговорив, Родион хмыкнул:

– Сказала – обстоятельства. Голос злой какой-то... Все равно для такого дома дешево.

Рина вцепилась в его рукав:

– Давай, звони снова! Пока других покупателей нет.

– Хорошо!

И вскоре добавил:

– Она сейчас телефон продиктует, где оформлять.

Сестры, узнав что родители продают городскую квартиру, сплясали нечто вроде индейский танца.

«Ура, даешь природу!» «Мы будем жить в лесу» – в один голос вопили двойняшки.

Они как раз закончили школу и с успехом провалили экзамены в Институт Культуры. Им хотелось свободы и, может быть, чего-то необычного: перемен и неожиданных сюрпризов.

Особняк, если сказать точнее, был не трех-, а двухэтажный, с обширной мансардой под крышей, заменявшей третий этаж. Спальня девочек теперь помещалась там. В то время полностью отдавшаяся настроению «эмо-кид» Лара завесила наклонные стены картинками, на которых нежно улыбались грустные мордочки из-под розово-черно-голубых челок. Сама она ходила в укороченных платьицах, длинных полосатых носках и розовых кедах. Лиза, вопреки всем веяниям, придерживалась классики – носила джинсы. Она была консервативна.

Девушки закончили библиотечные курсы и устроились посменно работать в книжный магазин, который располагался недалеко в пригороде.

Продержавшись всю зиму в упоительном образе эмоциональной дурочки, Лара совершенно неожиданно подседа на готику.

Произошло это когда зацвела сирень и лето утвердилось ароматами ярко-лиловых соцветий, которые провозглашали повсюду его триумф. На город обрушились первые грозы, смывая пыль и воспоминания о минувшей зиме. Запахло долгожданными переменами.

Лара скучала за прилавком, перечитывая тягостный роман в мягкой обложке, как вдруг дверь отворилась и в светлом дверном проеме возник подвижный силуэт парня лет двадцати пяти. Как показалось смотрящей против света Ларе, парень был весь демонически черным, словно его окунули в тушь. Когда он приблизился к прилавку, Лара поняла, что не показалось: даже встопорченные волосы были абсолютно черными, не говоря уже о ресницах и темных, как уголь, глазах. Лицо парня, напротив, казалось очень бледным и привлекало внимание тем, что было еще подвижнее, чем ловкое тело. Когда-то Лара видела такого персонажа по телевизору – он назывался «мим».

Мим по имени Максим проворно шлепнул на прилавок плоскую сумку и подмигнул девушке. Лара от неожиданности хлопнула увесистыми ресницами и засмушалась.

Парень стал еще развязнее и мизинцем, небрежно, приподнял обложку книги, чье содержание только что уныло поглощалось Ларой.

– Что читаем? – грозно спросил он, наваливаясь на прилавок, подмигивая и жарко дыша. Лара окончательно оробела.

– Да так! – ответила она, склонив набок розовую челку, украшенную бархатным бантиком, – про любовь. Вам не интересно.

– Тупо! – провозгласил Максим, непринужденно усаживаясь на прилавок.. – Тупо! Отстой.

Он неожиданно завращал, как безумный, круглыми глазами и надул щеки, чем насмешил Лару. Однако смех как-то быстро заглох: у парня была неприятная привычка смотреть, не мигая.

– Дай угадаю. Невеста сбежит с другом жениха. Так?

Лара кивнула.

– Вот! Их поймают, – завопил психованный посетитель.

Лара вздрогнула, ресницы снова произвольно хлопнули, осыпав некоторое количество туши.

– Дуэль! Мечь... Это тема! – хрипло провозгласил явно ненормальный и опять уставился на Лару. Она отодвинулась, на всякий случай, подальше.

– Невеста рыдает – злодей-приятель прикончил этого придурка жениха!

– Вы читали? – с изумлением пискнула Лара.

– Я и без того знаю, – хмыкнул псих.

– Бывший возлюбленный в гробу, а эта дурища раскаялась – типа не того полюбила! – подмигнул странный посетитель и ловко улегся на прилавке, сложив на груди руки. После чего сделал скорбное лицо и положил ногу на ногу. Видимо так, по его представлению, должен был выглядеть застреленный соперником жених.

– Ну да, этим и кончается роман... – промямлила Лара.

– А, представь, к этой лохушке подошел незнакомец, такой крутой, весь в черном... – приоткрыв один глаз, радостно поведал психованный.

Лара испугалась – а ну, как и правда, кто-нибудь войдет! Она тронула психа за рукав.

– Вы бы встали! – прошептала она. – Люди могут войти...

– Хочешь знать, что было дальше? – вместо того, чтобы покинуть прилавок, странный посетитель округлил глаза так, что они сделались похожи на два черных экрана. В глубине отражались книжные полки, белый потолок и Ларина прическа с черным бантиком.

– Да... – прошептала девушка, замороженная своим двойным отражением.

– Они ни фига не разлучились! Потом такое началось... – зловещим голосом объявил посетитель и добавил:

– Меня звать Макс. А тебя?

– Л-л-лара...

– Отлично! К завтрашнему дню освоишь эту книжку, – медленно проговорил Максим, расстегивая молнию на сумке. Лара, как за гипнотизированная, взглянула на книгу. «Исповедь одинокого вампира» – было написано на обложке. Парень торжественно поднял руку и спрыгнул на пол.

– Послушай, я тебе тут немного почитаю, для общего развития, – провозгласил он, открывая страницу:

– Черное небо поглотило без остатка луну и только на кладбище горел зеленоватый бледный свет...

Ларе была парализована его способностью менять голос, положение тела и выражение лица. Макс был таким необычным, на него хотелось смотреть без конца – как на того мима на сцене! Он завораживал.

Она залпом прочла книжку, посмотрела одноименный фильм и полностью прониклась судьбой бедного одинокого вампира...

Странный парень уже не казался ей психом.

«Он такой талантливый, артистичный, – думала она, – и столько всего знает! Страшно, конечно, про кладбище и могилы, зато готы ни на кого не похожи. Эти эмо – просто сопливые детишки, которые боятся темноты. А я не боюсь!» И Лара, замирая от ужаса, погрузилась в мир малоприятных призраков. Посмотрев культовый фильм «Голод», девушка развесила по спальне нечто вроде белых занавесок и надела на шею ножик в виде креста – анк. Облачившись во все черное, она бродила по комнатам, повторяя: «Вечно и бесконечно!» Вместо розовых мордашек на сестер теперь смотрели обморочные вампир-готы и скалились мерзкие чудовища.

Лиза не вынесла и отгородила половину спальни – ей надоело путаться в занавесках под пристальными взглядами пустых глазниц.

Макс, несомненно, нравился Ларе и она ходила с ним на какие-то «готик-пати». Сестра и Лизу уговаривала сходить на это самое «пати», но та наотрез отказалась и когда выпадала ее смена, Максим в магазине не появлялся. Видимо, понимал, что чары не подействуют.

...

Шаги отчетливо прозвучали в тишине.

– Кто там? Это ты, Лара???

Увидав в окне на фоне огромной луны, чей-то силуэт, Лиза сообразила, что внизу расположена крыша высокой двухэтажной веранды. Вероятно, Лара стоит на ней! Она бросилась к окну, но никого не увидела. Выснулась подальше...

В этот момент раздался крик:

– Дрянная девчонка! Ты уже тут?!

Внезапно Лиза потеряла опору, ощутив, что кто-то дернул ее за рукав. Она замахала руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но покатилась, скользя по крыше. Пальцы тщетно цеплялись за металлическую кровлю, Лиза стремительно летела вниз и перед ее глазами, сливаясь в белую спираль, вертелся пронзительно-яркий диск полной луны. Лиза упала на каменную дорожку. Из кармана странного одеяния девушки выскочил маленький черный предмет с кнопочками, приземлившись в траве неподалеку.

Луна недовольно затягивалась тучами, словно то, чему она только что была свидетельницей, крайне ее расстроило. Старый дом насупился и потемнел, начинающие желтеть лианы винограда тяжело тянулись от земли до открытого окна мансарды. Они шелестели, хотя ветра совсем не было. В августовское полнолуние дует особый, лунный ветер. Те, кто обдeldывают под его дуновение свои темные дела, рискуют. Вот и сейчас ветер полнолуния проник в растворенное настежь окно, влетел в комнату. И тут же нечеткий человеческий силуэт заметался по комнате, глухо упал стул, что-то свалилось на пол. Темная фигура запуталась в развешенной поперек комнаты занавеске, потом неожиданно раздался испуганный крик и ругань в адрес развешанных по стенам «мерзких образин»...

Луна все еще висела напротив, освещая комнату. Со стен молча скалились существа призрачного вида, с такими же черными провалами глаз, как у обитательницы мансарды Лизы. Дробные шаги непрошенного посетителя прозвучали вниз по лестнице и эхом отозвались в тишине пустого дама. Бронзовые листья слабо зашелестели, словно заплодировали своими шершавыми ладошками, а зреющий под лунными лучами виноград налился терпкой влагой – вот-вот скатится с ветвей молочно-опаловой слезой. Ветер ушел в глубину зеркала и луна пропала.

Щелкнул замок, хлопнула входная дверь и по каменной дорожке, прочь от дома, прозвучали поспешная дробь.

Длинна и темна августовская ночь, но и она не может длиться бесконечно. Постепенно светало, где-то про шумела первая электричка, замыкали истошно коты, потерявшие загулявшую кошку и, наконец, утренние звуки заполнили окрестности.

По проселку ехала машина «Скорой помощи». Водитель ругался – никак не найти дом! Улица в поселке есть, а строения с таким номером нет. Уже отъехав довольно далеко, водитель проявил сознательность:

– Давай заедем в тот особнячок, спросим! На всякий случай. Вон у них окно наверху настежь, значит хозяева дома.

Доктор, наголо бритый парень, согласно покивал блестящей макушкой.

– Может и водички попросим! Жутко пить хочется.

Он вылез из машины и подошел к калитке. Оказалось, не заперто... Минут через десять доктор выскочил наружу, размахивая руками.

– Вот, не приведи Господи, заехали водички попить!

– Что там? – спросил недоумевающий водитель.

– Дом-то с приведениями, и одно лежит – похоже, померло. Пульса нет.

Он залез в машину и быстро соединился с диспетчером.

– У нас тут, случайно, труп! Да-да, девушка, странная... На призрак похожа. Никогда такого не видел! Давайте милицию подключайте.

Спустя десять минут приехал местный уполномоченный. Все тот же, тоскующий по гражданской жизни, к которому ходили Родион Юрьевич и Рина, бросил косой взгляд на тело, одетое в черный балахонистый халат, широко улыбнулся и изрек:

– А вот!

И протянул бритоголовому доктору фотку.

– Похожа?

Доктор достал из кармана круглые очки в тонкой оправе.

– Вроде...

– А то! – заявил, искренне радуясь, милиционер.. – Я же говорил – найдется. Волею судьей!

– Судеб, – поправил доктор.

– Без разницы, – ответил блюститель.

– Криминал? – рискнул уточнить доктор.

– Ни боже мой! – воскликнул уполномоченный. – Что, не видно, девушка не в уме была и с крыши случайно упала по причине слабого рассудка?

– Забирать?

– А то.

Они заполнили нужные документы, позвонили, переговорили... Доктор, снова ругая себя за желание «попить», а водителя за желание «спросить», принялся вместе с ним грузить тело на носилки, чтобы отвезти в морг.

В последний момент он заметил тот самый маленький предмет с кнопочками, похожий на рацию. Подобрал и сунул в карман.

Родион и его супруга заканчивали работу в маленьком пригородном доме. На этот раз дело было несложное – небольшой ремонт, покраска-побелка: хозяйева небогатые, но сильно пожилые, самим не справиться. Однако красить пришлось два дня непрерывно и у Рины разболелась голова. С ней такое иногда случалось, эти приступы начались давно. К счастью, каждый раз помогало снадобье, назначенное невропатологом. Но в этот раз странное состояние полусна, заторможенности и, вместе с тем тревожной нервозности, надолго овладело ею. Лекарство не помогло. Появилось предчувствие, что опять будет сниться тот давний тревожный сон, как тогда, три месяца назад, весной... Она так и не поняла что именно ей снилось – осталось чувство незавершенности.

Родион не стал дожидаться и повез жену домой, благо ехать было недалеко. По дороге он тоже вспоминал странные, неприятные события той весны.

Тогда, в середине мая, они ремонтировали весьма интересный коттедж... Он сразу показался Родиону необычным! Дело шло к концу, но у Рины также внезапно заболела голова, поэтому заботливый супруг настоял на том, чтобы она легла в хозяйской комнате на диван. Он всегда очень беспокоился, когда у жены случались приступы головной боли. Сам ушел спать в машину.

Рина послушно завернулась в свой, захваченный из дома толстый шерстяной плед, прилегла на диван и уснула.

Той ночью Родион совершенно не выспался на разложенном сиденье – все время просыпался, прислушиваясь к чему-то. В белесом свете белой ночи дорогой коттедж выглядел еще внушительнее, чем днем. Овальный, вытянутый вперед подъезд, словно морда хищного зверя скалился белыми колоннами. Глубоко посаженная крыша была увенчана печными трубами и антеннами. Впрочем, небольшие окна и множество пустых пока цветочных клумб вокруг придавали этому приземистому дому уют и некоторое умиротворение. На ровно подстриженном газоне красовалась деревянная скульптура: два бородатых длинноволосых человека сто-

яли спиной друг к другу, развернувшись лицами один на север, другой на юг. Люди эти, вероятно, были какими-то дикарями – грубые черты острых скуластых лиц, примитивная одежда. Просыпаясь, Родион ловил себя на том что, как ему казалось, от этой скульптуры исходят какие-то звуки...

Один раз он даже вышел из машины, обошел странную пару. Было прохладно, тихо и страшновато.

Родион плюнул себе под ноги, прошептал что-то и пошел обратно в машину.

Некстати разыгравшаяся мигрень жены не помешала закончить ремонт. Устала, пусть поспит! У нее слабое здоровье... Пора кончать с этой тяжелой работой, да что найдешь? И у него сердце стало побаливать, одышка случается некстати. Он еще долго ворочался, вздыхал и строил планы.

Утром еле проснулся – так крепко задремал. Солнце ярко освещало изумрудный газон и празднично выделяло белые колонны. Чья-то желтая машина у ворот сигналила не переставая. Родион потряс головой и выскочил наружу – приехала заказчица! Вышла высокая женщина с фигурой фотомодели, на ней эффектно топорщилось желтое платье под цвет машины, перехваченное на тонкой талии широким черным ремнем.

– А где эта, ваша помощница?

– Жена? Она в доме спит.

– Но я же просила! – женщина возмущенно топнула.

– Извините, но у нее голова разболелась... Она на диване, со своим пледом. Ничего вашего не трогали.

Хозяйка фыркнула и сердито зацокала высоченными каблуками по белым плитам.

Рина все еще спала. Было видно, что ей что-то снится – она еле заметно шевелила губами...

Родиону стало жалко будить жену, он поспешил увести женщину в желтом подальше.

Однако, под действием визгливых криков заказчицы, Рина все же проснулась, нашла в себе силы встать и, шатаясь, побрела из дома к своей машине.

Родион Юрьевич, видя, что жена ушла, облегченно вздохнул и с новой силой потащил норовистую даму по комнатам, показывая проделанную работу. Они спорили, размахивая руками и совершенно потеряли Рину из виду.

В это время во двор въехала машина настоящего и единственного пока хозяина коттеджа, Евгения, немолодого мужчины с усталым острым лицом, в котором было что-то жесткое, неприветливое.

Он почти столкнулся с Риной в дверях, но вежливо отступил, пропуская. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Евгений! – заказчица завопила так, что хозяин коттеджа вздрогнул и медленно отвел неожиданно потеплевший взгляд от лица полусонной Риной.

– Иди сюда скорее! Ты должен это видеть! – желтая красотка выпорхнула в холл и остановилась, не понимая, что происходит и почему ее жених так пристально смотрит на эту сутулую замухрышку, зябко кутающуюся в плед.

– Обои поклеили совершенно не того цвета!

– Какие вы дали, такие и поклеили, – возражал Родион.

– А потолок? Ты только глянь на это!

– Элла! Прекрати! – коротко сказал хозяин коттеджа.

Он развернулся и, не глядя больше на Рину, прошел в дом. А та вышла во двор и без сил опустилась на скамейку. Родион поспешно выскочил вслед и отвел жену в машину, где она опять уснула.

Хозяин без разговоров подписал все договоры с ремонтной фирмой, заплатил сколько было нужно и распрощался с Родионом Юрьевичем.

Супруги уехали, но неопределенное, тягостное впечатление осталось у каждого из них после встречи с хозяином коттеджа и его спутницей.

Для владельца и его пассии эта встреча тоже не прошла незамеченной. Элла, переодевшись в изящный и, купленный почти на последние сбережения, бордовый костюм, сидела, вызываясь скрестив ноги на диване, где спала ночью Рина. Она мило улыбалась, но в голове у нее крутилась неприятная мысль.

«Они что, знакомы?» – вспоминая, как Евгений смотрел на эту бесцветную женщину, думала она – «сколько ей может быть лет? Сорок? Пятьдесят? Но смотрел он не просто так – особенно. Так смотрят на старых знакомых. В любом случае, замухрышка мне не может помешать. И, все же, выяснить кто она, нужно».

– Дорогой! Не пойти ли нам сегодня пообедать в какое-нибудь приличное место? Мы давно нигде не были.

Острый лакированный носок туфли призывно покачался.

– Я занят! – коротко ответил «дорогой» и хлопнул дверью.

– Вот, как-то так... – промолвила огорченная красotka, поджимая ногу, и с удвоенной силой принялась думать: «Кто же она??? Кто?»

В такие минуты она понимала, что этот хищный и жесткий тип по имени Евгений в чем-то намного превосходит ее, и что женить его на себе, пользуясь обычными, проверенными способами, будет сложно, и что все мечты о выгодном замужестве могут просто рассыпаться, как крупа из порванного пакета. Это страшно злило – столько трудов! А денег...

Глава вторая. Элла

...Пару лет назад Элла вернулась из-за границы, будучи безутешной вдовой. Ее второй муж погиб от несчастного случая, оставив ей баронский титул и кучу невыплаченных долгов, о существовании которых она до того самого случая совершенно не догадывалась. В этом-то и крылась причина ее отчаянной безутешности. Чтобы погасить долги, пришлось там все продать!

Здесь, на родине, у нее оставалась кое-какая нехилая недвижимость, родительский дом, только жить в этой недвижимости было совершенно не на что.

Она прокрутила разные варианты, но выход напрашивался один – искать третьего мужа. А для этого нужны были немалые деньги...

Пришлось спешно продать памятный воспоминаниями старый особняк, в котором прошло детство, такое безоблачное вначале и такое позорное потом, и поселиться в этой мерзкой квартирке. Разве могла эта конура, где она сейчас кантуется, сравниться с трехэтажным, увитым виноградом, роскошном особняком в готическом стиле, принадлежавшем когда-то ее семье! Впрочем, при выгодном раскладе, особняк можно и вернуть – думала Элла. Недаром составляла договор так, как учил ее когда-то первый муж, адвокат.

Квартирка, в которой временно поселилась вдовствующая баронесса, была заурядной «двушкой», но располагалась весьма удобно – на девятом этаже унылого строения, типового «корабля» городской окраины. На этой, последней, площадке, она была в романтическом одиночестве – дверь второй квартиры, что напротив, выглядела заколоченной, судя по насмерть прикипевшим гвоздям, очень давно.

Интересное зрелище представлял этот «корабль недалекого плавания» со стороны шоссе... Высокий и узкий дом отстоял от остальных городских строений, словно подросток, отставший от толпы школьников, бредущих куда-то неровным строем. Он привстал на цыпочки и смотрит за горизонт, широко раскрыв глаза... Это впечатление подчеркивал широкий карниз под окнами девятого этажа, овеваемый голубиными крыльями.

Квартира когда-то принадлежала Эллочкиной бабушке и была завещана внучке давно, еще до побега из страны.

И вот теперь квартира пригодилась. Башня, испещренная голубиным пометом, стала единственным местом, куда смогла заползти побитая жизнью Элла. Бабушка давно умерла, квартира была в полном запустении, но, к сожалению, не вполне необитаема.

Когда Элла открыла дверь своей последней недвижимости, она обнаружила в одной из комнат бойкую старушеницу.

– Кто ты??? – невежливо возмутилась Элла, раздраженно бросая тяжелую сумку на пол.

– Это моя квартира! – пояснила она, вкатывая в маленький коридорчик вторую сумку, на колесиках.

– Артемия Голубева! – гордо заявила подслеповатая старушка, облаченная в синий стеганый халат, похожий на солдатскую телогрейку и прибавила доверительным тоном:

– Можешь звать меня баба Тёма.

– Я не собираюсь тебя тут никак звать! – фыркнула Элла.

– Если ты и присматривала за квартирой, а бабуля что-то такое говорила, то теперь тут буду жить я.

– Присматривала! И документ имею. Завещана мне квартирка эта, но с условием: коль, вдруг, ты тут объявишься, уступить тебе большую комнату.

– Завещана??? – Элле чуть улар не хватил от такого заявления.

– А я большую и не занимала. Живи, голуба! – невозмутимо ответила баба Тёма и удалилась на свою законную жилплощадь.

Так Элла стала обладательницей квадратного пространства, ограниченного четырьмя оклеенными невнятнымися обоями стенами, одну из которых почти полностью занимало окно без занавесок. Из него был виден тощий пучок тополиных веточек, чудом дотянувшихся до таких высот.

В комнатке стояла оснащенная крахмальным бельем никелированная кровать, украшенная как новогодняя игрушка, блестящими шариками – несомненно главный предмет мебели. У окна примостился столик на витых ножках, напоминающих рога какого-то горного животного, скорее всего, козла. В углу громоздился перекошенный от старости и тяжелых впечатлений шкаф.

Теперь, стоя по утрам в тесной кухоньке, Элла могла наблюдать, как баба Тёма кормит из окна многочисленных голубей, слетающих на ее зов. Птички загадили весь широкий подоконник и большую часть стены. Взлетая, они противно царапали лапками по жести. Эллочка тушила сигаретку в тонкой струйке воды, текшей из крана в щербатую раковину.

– Баб Тёма! – просила она, – ты бы их на дворе кормила, как все бабки. Они же в окна лезут, скоро в кровать гадить начнут. Дом на голубятню похож, у наших окон пернатое царство какое-то!!!

Бабка была не то что глуховата, но все слышала так, как ей это было удобно.

– Царствие у нас небесное, голубиное! – отвечала она. – А ты, Эллка, не смоли, так чадно от тебя! Не продохнуть, вот ей-ей!!!

«Не продохнуть! – злилась про себя Элла. – Ладно, не век же мне здесь жить, будет все как раньше... Должно!»

...

Детство Элочки было, по тем временам, весьма завидным. Отец – крупный государственный деятель, какими делами он тогда ворочал и куда бывал по-приятельски небрежно вхож, даже сейчас представить страшно... Впрочем для своих, домашних, он казался необычайно нежным супругом и безукоризненно любящим отцом, и никак иначе.

Бабушка косилась на зятя недоверчиво. Ее жизненный опыт подсказывал, что у каждой медали есть две стороны, да вот узреть одновременно и ту, и другую, невозможно. Хотя, она могла бы его уважать за то, что дочь была счастлива, если уж никак не получалось зятя полюбить...

Элочкина мама была домохозяйкой. Это потом уже, после смены политического строя, гордое звание «домохозяйка» стало привычным и даже завидным. Тогда, в ушедшей ныне в небытие стране равноправия и сглаженных половых различий, такой профессии как бы и не было, а, может, сами женщины предпочитали трудиться «на производстве». Однако, домохозяйки, как экзотические райские птицы, все же существовали.

У Элочкиных родителей было все. Служебная квартира в центре города, полная дорогой мебели и ковров. Загородный особняк, официально считавшийся дачей. Две машины, масса красивых и не имеющих прикладного значения в быту вещей. Элла помнила большую китайскую вазу, которая стояла в их особняке в холле на полу. Она была вся сине-золотая и такая тонкая, что казалось, фарфор тихо звенит.

Бабушка как-то обронила, поджав губы: «Эта вазочка стоит, как моя квартира!» Внучка посмотрела удивленно и спросила: «Баб! Твоя квартира что, очень маленькая, ну просто малюсенькая?»

Она тогда еще ни разу не была в той квартире, бабушка приезжала к ним посидеть с внучкой. Няни у девочки не было, хотя мама не раз заводила такой разговор:

– Девочке нужен нормальный присмотр! Мамуля старая, ходит медленно, сам видишь – беда с ногами, ей нельзя их нагружать.

– Никаких посторонних людей!

– И потом, мамуля выражается! Она же из деревни, сам понимаешь, какой там уровень культуры. Я в этом выросла, помню. А девочка будет в других кругах общаться.

– Ничего с Эллочкой не случится, она с рождения твою мамашу слушает, привыкла уже.

– Я не понимаю, почему нельзя найти приличную няню?! Вот мне советовали...

Тут, обычно соглашавшийся с женой, отец Элочки проявлял такую железную волю, что супруга замолкала.

– Это ты, извини, ничего не понимаешь. Я же сказал – никаких посторонних.

На вопрос внучки о размерах квартиры, бабушка тогда только вздохнула и незамедлительно ответила: «Моя квартира по сравнению с этой вазой – полное дерьмо!»

И вот теперь, сидя на пружинном матрасе кровати, близкой родственницы елочной игрушки, внучка подтвердила:

– Полное дерьмо!

Вот куда в итоге попала златовласая Элла, собиравшая комплименты как цветы на лугу и считавшая себя избранной для блестящей и беззаботной жизни.

С наступлением весны семья Элочки перебиралась «на дачу», то есть в тот самый особняк, увитый виноградом, и... имеющий загадочную историю.

Говорят, он был построен в былые времена каким-то графом, организовавшим тут, где нынче вырос лесок, общину поселенцев. Все они ходили босиком, пахали землю, носили бороды и не посещали церковь. Именно поэтому владелец и был прозван «графом», видимо по аналогии с Львом Толстым.

Один из таких бородатых «старцев» занимался врачеванием и к нему ходили местные жители – редко, когда совсем допекало. Излечивал! Однако, излеченный потом долго отмаливал грехи и каялся, что прибегнул к помощи «нечистого». Рассказывал, что на стенах избы висели не иконы, а непонятные знаки и что лечил его старец непотребными снадобьями.

Слушатели истово крестились, но, если допекало, тоже ходили туда...

После революции бога отменили и «граф» приобрел новых адептов. Он стал открыто пропагандировать древние заветы «исконных славян», совершать Велесовы обряды и читать лекции. Время шло, община разрасталась и власть обратила на нее алчные взоры – «граф» был весьма богат и беднеть не собирался. На него завели «дело», благо доносов скопилось множество.

А потом он исчез – скорее всего, арестовали... Оставшуюся без пастыря общину разогнали и, как-то кстати, все поселение сгорело от случайного пожара в сарае.

Вскоре началась война, шикарный особняк занял некий военный чиновник, лысый и пузатый. Продержался он там недолго, потому как попал туда незаконно – так гласил неоспоримо серьезный документ, предвестник больших неприятностей. Чиновник также сгинул – вероятно, в том же направлении, что и «граф».

Некоторое время особнячок стоял пустой, постепенно обрастая лесом и нехорошими легендами. Поговаривали, что «граф» в отместку проклял всех будущих жильцов своего имения.

После войны в романтической обители, увитой виноградом, долго жил партийный деятель со своей, напрочь лишенной какой бы то ни было романтики, семейкой. В легенды они не верили.

И надо же было так случиться, что тогда, еще совсем молодой заместитель партийного босса, только начинающий свою служебную карьеру, неожиданно заинтересовался историей особняка.

– Правда ли говорят, что тут какой-то немецкий шпион жил под видом графа? Будто бы у него прямо на стенах свастики висели? – спросил как-то начинающий партиец своего начальника.

– Висели! – усмехнулся тот. – Теперь сам завис на небесах. Надо было его тогда допросить как следует! Поторопились...

– О чем допросить? – наострив безошибочный нюх, осторожно спросил зам.

– На что жил, гад! Говорят, деньги у него не переводились. Дом-то обыскали, но... Может, где и прятал – к примеру, у шамана своего... К нему многие лечиться ходили. Деньги носили. Ну, так пожар был, тут все погорело, в доме, правда, кое-что сохранилось, а вот поселение выгорело. Лес теперь.

– На эти, шаманские, и жил! – закивал головой юный заместитель.

– Да чего уж! – покачал головой начальник. – Дело старое.

– И «дело» сохранилось? – шумно понюхав воздух, поинтересовался зам.

– У Котовича спроси. Он, жирный жук, все знает.

Котович был начинающим адвокатом, однако хватка у него уже тогда была как у железного капкана – несмотря на рыхлую непримечательную внешность. Юный зам сумел доказать ему, что особняком следует поинтересоваться.

– Дело того стоит... – мечтательно дышал шустрый юноша.

– А что сам-то говорит? – осторожно спрашивал Котович.

– Состояние здоровья внушает опасения, возраст-то какой! Столько сделал для страны, кто же такое выдержит? – уклончиво отвечал заботливый заместитель.

Как только появилась возможность порыться в архивах, парочка откопала все, что касалось «графа». Стало еще интереснее и, на волне этого интереса, старый партийный деятель отправился в ведомственную больницу с обширным инфарктом.

Затем он, «после долгой и продолжительной болезни» скончался, а его семейство было выселено с «незаконно занимаемой площади». Доносы были теперь не в моде, ненадежное дело, а вот здоровье подводило «старую гвардию» все чаще и чаще. И не удивительно!

Его зам, уже не столь юный, поселился в виноградном особняке с молодой очаровательной женой. У них родилась дочка Эллочка.

Отец целыми днями пропадал на службе.

Эллочка помнит, как радовалась мать когда к дому подъезжала его длинная черная машина, словно глубоководная рыба выходя из темноты обтекаемой тенью. Она обшаривала светом фар темные ветви елей и белые стволы берез. Прохладно-зеленоватый отблеск полз по шершавым листьям винограда, увивающего стены дома...

Мать выбегала во двор налегке, в розовых домашних туфельках с помпонами, и они с отцом долго целовались там, на улице, прислоняясь к теплому машинному боку, а личный шофер пил в это время чай на кухне, в компании бабушки. Они оба были когда-то сельскими жителями, их объединяли общие воспоминания.

Эллочка ревновала – ей казалось, что отец приезжает как-то обособленно к маме, будто ее, любимой дочери, и в помине нет. Кроме того, она тоже хотела такие туфельки, розовые, а папа привез зеленые. У девочки был сложный характер, она часто злилась.

Подумаешь, голубки!

Элла росла красавицей, и чем старше становилась, тем ярче блестели ее глаза и тем более золотыми, янтарными, словно вызревший мед, становились волосы. Впрочем, мысль о медово жужжащих пчелах никогда не приходило в голову тем, кто любовался узкой, перетянутой в талии фигурой. Более всего она походила на осу – грозную и беспощадную хищницу летних просторов.

...

Она вздрогнула, услышав шелест птичьих крыльев за окном. Черт бы побрал эту бабку с ее пернатыми. Покою от них нет. Вон, топчутся на подоконнике, воркуют. Розовые лапки,

кружевные воротнички на зобах, красные глазки-бусинки. Смотрят на нее подозрительно, готовы взлететь от малейшего жеста. Элла взмахнула рукой.

Голуби шумно вспорхнули и, одновременно, раздалось треньканье дверного звонка. Звук был писклявым, словно звонок от старости и сквозняков прокис. Элла встала с кровати, отозвавшейся нежным звяканьем шариков, и подошла к двери, прислушиваясь. Она разобрала бабкин хриплый говорок: «Хтой там?» Легкие, молодые шаги прозвучали дробной антitezой шаркающим шажкам старухи.

– Элка!!! Тутa к тебе, твой... – старушка поджала рот и прошамкала, – антихрист, чтоб ему! Требуется!!! Выдь!

«Антихристом» Артемия торжественно величала Элочкиного дружка Максимку, хотя, какой он... Так, мелкий бес! Неистребимый, как запах серы в преисподней, изворотливый, словно лисий хвост, он знал массу нужных Эллочке людей.

– Чем обязана? – спросила она, впуская Макса в комнату.

«Если его не осаждают, лапать начнет, с него станется, – подумала Элла, – ишь, как косится куда не надо!»

В его обществе она всегда чувствовала себя вроде как не совсем одетой, потому потуже затянула фиолетовый шелк на неправдоподобно тонкой талии.

Однако Максим вовсе и не собирался «лапать». Знает он таких! С виду – мед и патока, а тронь – кобра: ядом плюнет и того, откинешь копыта! Поэтому он отвел взгляд подальше, туда, где за окном зеленели тощие веточки и мелькали белые крылья, и вымолвил просто:

– Денег надо!

Эта сакраментальная фраза произвела на хозяйку тесной комнатки удручающее впечатление.

– Денег скоро будет много, – сказала она печально и вздохнула, стараясь сделать это незаметно, – а почему не позвонил? Ты знаешь, как я ненавижу внезапные визиты.

– А мне поровну, – ответил Макс, – ненавидишь или нет. Это у тебя такие гордые комплексы, из детских лет, пора их обнулять. Вот у меня, например, их вообще нет!

Он порылся в карманах и вытащил неопрятный пакетик с жвачкой. Бросил в рот, зачавкал узкими губами.

– Что ты можешь знать о моем детстве! – Элла вздохнула и села на кровать, которая снова нежно звякнула.

– Такого детства, какое было у меня, у тебя точно не было.

Макс только хмыкнул. Сколько он себя помнит, ничего такого, что можно назвать детством, с ним не происходило.

– Короче, мне нужны бабки, иначе я у тебя больше не работаю! – Максим выплюнул жвачку на ладонь и брезгливо опустил в карман. Здесь можно было не церемониться, но и наглеть не следовало, на пол плевать не стал.

– Короче, – снова заканючил Максим, прислоняясь к закрытой двери и тоскливо глядя на свою работодателя, – за последние сведения расплатиться бы вперед! Я узнал, кем интересовался твой «папик». Это раз! Я узнал, чем именно он там интересовался. Это два. Как только он получит окончательные ответы, а я их притащу, – цена на них безумно возрастет. Усекла?

И Максик довольно заржал. Элла посмотрела на него свирепо.

– Как ты со мной разговариваешь? Я – баронесса!

Макс аж согнулся пополам и задержался от хохота. Наступила неприятная пауза.

– Будут деньги, черт тебя побери!!! – рявкнула Эллочка недовольно. Ее собеседник всхлипнул, словно решил зарыдать.

– Если ты мне не веришь – вали прочь, я другого козла найду! Но потом смотри, не пожалей.

Внезапное превращение «баронессы» в главу преступной мафии не напугало, но охладило.

– Кое-чего прикупить бы надо, хорошая партия этого самого «кое-чего» недавно пришла. А что вы так тарашитесь, ваше высочество??? Или, как вас там.

Бледное лицо «мима» изобразило издевательскую ухмылку:

– Вещь крайне необходимая для таких деловых людей, как мы.

– Ладно! – Элла подумала чуть и приказала:

– Выйди! Но потом не проси, вот закончим дело, тогда и рассчитаемся. Как с девчонкой? Подружился?

– Не то слово! На уши сел основательно.

– Больше месяца прошло! Держи на коротком поводке. Она очень нужна, но пока не знаю, для чего... Просто чую, что все дело в ней. А теперь, выйди на минуту!

Макс радостно выскочил в коридор, а она, вздыхая, встала с кровати и, подставив шаткий стул, полезла на шкаф, где была спрятана шкатулка с деньгами. Элла с детства абсолютно не боялась высоты и могла, как кошка, свободно ходить хоть по крышам, хоть по заборам. Максим, свесив от удовольствия язык, заглядывал в дверь. Элла сунула тонкую пачку в руки мелкому бесу и вытолкала вон...

...

Детство, детство! Элла не забыла странный разговор отца с Котовичем.

– Нет! – кричал отец в трубку. – Я все, абсолютно все проверил и перепроверил. Каждую вещь, каждый предмет.

Адвокат, как видно, что-то убедительно возражал. Отец же все повторял: «Нет, нет, я ошибся... Увы, ошибся! Нет ничего, нигде!!!»

А на следующий день папу арестовали, конфисковав все имущество. Отобрали отцовскую служебную квартиру, две машины, деньги, драгоценности, вазы и ковры. В особнячке был обыск, вскрывали полы и стены.

Из элитной школы пришлось уйти, хорошо, «дача» была каким-то образом оформлена на мать и не принадлежала ведомству. Вроде приобретена она была у самого «графа» дальними родственниками в незапамятные времена...

Адвокат постарался, спасибо ему!

Мать и дочь там могли жить, никто пока не прогонял. Бабушка после обыска уехала в свою квартиру ночевать и не вернулась. Утром соседи сообщили, что она умерла.

– Ты должна понять! – мать простуженно кашляла... – Понять, что прежней жизни никогда не будет! Ты должна сделать выбор. Котович собирается уезжать, он устроит так, что особняк останется за тобой. Захочешь – сможешь сюда вернуться. Но для этого ты должна выйти за него замуж. У него есть возможность уехать на работу за кордон.

Элла, в дырявой вязаной кофте, сидела в кресле, поджав ноги. Кресло старое, оно не представляло ценности, вот и оставили.

– Я не хочу! Не буду!!! Как ты не понимаешь! – она не плакала, а злилась. – Он старик! Он на облезлого кота похож!

– Детка, – говорила мать, подняв на нее выпцветшие, обведенные синеватой тенью глаза, – я больна. У врача не была, в эти их сраные районные поликлиники ни за что не пойду. Я и без них знаю, что до весны мне не дотянуть. Что будешь делать??? Меняй фамилию и мотай отсюда.

Она, кашляя, добавляла некоторые крепкие словечки, которые так любила ее покойная «мамуля».

– Папу выпустят!!! – крик Эллы рвался из губ. – Это все неправда, неправда!! Он наймет лучших адвокатов, он не виноват!!!

На следующий день они получили известие, что отец скончался в следственном изоляторе тюрьмы, до суда не дожидаясь.

– Помогли... Дерьмо, сволочи... – прошептала мать и беззвучно зарыдала, наконец-то расслабив свою железную хватку, которая помогала избалованной дамочке со слабым здоровьем выстаивать километровые очереди для того, чтобы передать в изолятор записочку, скромную передачку.

Она быстро ушла вслед за бабушкой, оставив Эллу одну...

«Да, никто теперь не поможет, – решила та, – значит нужно с чего-то начать, вернее, с кого-то...» И Элла позвонила Котовичу.

Она выехала в качестве жены известного адвоката и дипломатического работника. Жизнь показалась Эллочке на первых порах не то чтобы сравнимой с прежней, но вполне приемлемой. Отношения с мужем сложились просто – он ее побаивался и быстро оставил попытки предъявлять нехоти свои супружеские требования. Он уже и «кстати» их предъявлять опасался, отчего качество требований значительно ухудшалось, а потом их не стало совсем. Такая разница в возрасте, он ей в отцы годился!

Тем временем на Родине произошли известные события, рухнул прежний строй и возвращаться туда уже не было смысла. Котович, такой умный и изворотливый, вначале сумел найти работу, однако что-то у него не заладилось и вскоре, после неудачных попыток удержаться на плаву, он начал пить. Умных и изворотливых адвокатов тут и своих хватало.

...

Высокая женщина, напоминающая осу – тонкой талией и округлостью боков, с небрежно заколотыми светлыми волосами, закутанная, как в кокон, в теплый махровый плед, стояла в убогой комнатенке у открытого окна и курила. Из окна тянуло холодом, лето близилось к концу. Даже голуби приуныли и сиротливо жалась к стенке, сидя на козырьке. На кухню не пошла – там бабка Артемия гремела кастрюлями, зачем-то включала и выключала воду. Женщина выглянула во двор, перевесившись через подоконник. Это настолько усилило ее сходство с блестящей представительницей царства насекомых, что черные поперечные полосы, собравшиеся на ткани желтого пледа, стали выглядеть точь- в точь, как черные полоски на осинном теле. Не видно было только ядовитого жала, но оно имелось, в этом сомнений не могло быть. Элла глядела вниз на уходящего Максима, темная фигурка которого, видимая сверху как голова-ноги, резво пересекла двор. Он замахал рукой, останавливая «частника».

– Так! – негромко произнесла Эллочка, выпуская напористую струйку дыма. – Денег мерзавец получил, теперь остается подождать... недолго! Он разузнает все.

...

В чужой стране Элле приходилось подрабатывать в кафе – мерзкая работенка! В тот вечер пришла домой уставшая и злая – попала под дождь, вымокла, натерла ногу и поранилась о колючий куст, росший у самого забора, нарушая правила о том, что растения должны быть безопасны для жизни и здоровья жильцов. В доме царил полное запустение. Котович пошел навстречу, качаясь и спотыкаясь на каждом шагу. Он распростер совершенно ненужные объятия, но она увернулась. Супруг неловко дернулся и, взмахнув рукой, ударил ее по губе, которая сразу вспухла и окрасилась кровью. Скорее всего, он сделал это случайно, но план созрел мгновенно.

Она отшатнулась и побежала, громко крича, к дому соседа, в котором горел неяркий свет. По дороге основательно порвала на себе платье и пару раз, для верности, упала на землю. Получилось то, что надо.

Бежала она туда не просто так, наобум. Она знала, что недавно возвратился из дальней поездки некий барон, человек очень обеспеченный и, к тому же, холостой.

...

За окном квадратной комнатки прокатились раскаты грома, над крышей дома громко бабахнуло, сверкнула молния, но дождя не было. Элла прикрыла окошко и закурила снова, выпуская дым в щелку. Она зябко поежилась и поплотнее закуталась в желтую махру.

Конечно, у нее все тогда получилось! Она стучала в дверь, изображая страх и отчаяние, и он поверил. Открыл, впустил... Недаром барон вернулся из далекого путешествия – скитания делают душу отзывчивой. Никто из местных ей бы точно не отворил.

Она рыдала, простирая руки, сбивчиво просила помощи. Платье порвалось удачно – он любовался прелестной фигурой, удивительной талией и трепещущей грудью... Он удивлялся ее наивным глазам и отливающим темным золотом мокрым волосам. Губы распухли, тонкая струйка крови не была смыта дождем, а выражение обиженной девочки придавало Эллочке особую прелесть. Такую женщину необходимо было немедленно защитить от всех напастей.

Все, на что она рассчитывала, свершилось.

Ей довольно легко удалось развестись с Котовичем – алкоголиком и извращенцем, напавшим на жену в состоянии наркотического аффекта, и выйти замуж за барона. Если бы она знала, чем обернется этот брак!

...

В окно ударили первые капли дождя и вскоре он застучал, забарабанил, смывая мутными потоками налипшую на стекла пыльную кайму пополам со старым тополиным пухом. Эллочка прилегла на кровать.

Большую часть денег, вырученных от продажи особняка, она потратила на «представительство» – машина, одежда, модные тусовки. Нужно быть на плаву, вращаться среди самых перспективных женихов.

Главное – не упустить последний, такой замечательный шанс. Годы пока на удивление щадят ее, но это не продлится долго. Нужно, чтобы Евгений на ней женился, а он все тянет, хотя дело к тому шло. Элла уже мысленно отрепетировала ответ:

«Ах! Как это все неожиданно! Я должна подумать. Роль жены для меня не нова, но все, что было раньше, было таким неудачным! Я боюсь повторить ошибки прошлого».

А она, действительно, боялась... Ей был нужен немолодой состоятельный мужчина, холостой или вдовец. Максик многое разузнал – все было в порядке. И бездетная жена Евгения, очень кстати, недавно умерла. Другой пока не было. Законной, конечно... Только вот та блеклая тетка... Макс сообщил, что Евгений не просто узнал ее тогда, а еще и принялся собирать о «тетке» разные сведения.

– Все, что он нарочет, сразу мне! – грозно приказала баронесса.

– Денег! – коротко ответил подручный.

И не подвел, теперь Элла знала об Евгении и его поисках практически все. Ничего хорошего для Эллы в этом не было, но она была намерена не сдаваться.

– Однако! – небрежно бросила она тогда парню, не желая показать, как огорчена.

– Ладно, разберемся, – добавила она, – главное не выпускай из виду эту девушку, Лару.

– Обижаешь! – хихикнул Макс.

Через некоторое время Элла вызвала своего подручного и объявила ему:

– Я, в принципе, довольна твоей работой. Мозги ты девахе запудрил основательно, то, что надо. Теперь с такой, явно чокнутой, может случиться все что угодно, никто не удивится. Мать ее слаба здоровьем, это нам кстати. Что характерно, папаша тоже не блещет – большое сердце... Но, не радуйся, это еще не все! Нужно овладеть ситуацией полностью. И, поэтому, есть дельце... Оно посложнее.

Эллу интересовал ее бывший дом. Она теперь прекрасно понимала: в особняке что-то искали. То, чего не нашел отец, подключивший к этому делу Котовича. То, из-за чего, по-видимому, папочку и упрятали в тюрьму и замучили его там... Скорее всего, тайник.

Максим долго чесал затылок.

– Это надо архивы Комитета поднимать.

– Ну так в чем дело?

– Думаю, ничего не найдем. Тут такое дело, искали и поумнее нас. Сами говорили, что при обыске весь дом перелопатили! А ведь не нашли... Я схожу к одному старику, родственник бывших поселенцев, он совсем из ума выжил – так думаю, это то, что нам надо.

Вернувшись от выжившего из ума, Максим коротко доложил:

– В доме есть артефакт.

– Как это?

– Предмет. Очень старинный. Странный.

Глава третья. Лиза

Молодой доктор, сопровождавший тело упавшей девушки в больничный морг, внимательно изучал содержимое маленького черного телефона – а найденный им аппарат как раз и был таким средством связи. Никогда раньше он ничего подобного не видел – только громоздкие, с длинными антеннами, похожие на рации как у них в машине «Скорой». Принадлежал удивительный аппарат, без сомнения, покойнице. Понажимав на кнопки, он увидел на экранчике одно имя – Лариса. Нажав на слово «сообщение», он прочел мелкие буквы текста...

– Так вот, значит, чем ты ночью занималась, – поразился доктор, прочитав оба послания и покосился на безмолвную покойницу, – спасала какую-то Ларису... с ней беда произошла, это ясно! А почему сама-то упала с крыши?

«Скорую» тряхнуло, очки слетели с носа. Он надел их, глянул в окно. Как красиво! Осень еще не началась, листья зеленые, небо такое голубое, а эта дурочка взяла, да и умерла. Самозубилась – как решил деловитый участковый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.